

ствий злоупотреблений алкоголем. Не считают они алкоголизм мелким делом.

Отсюда должно говорить об эффекте социальной политики. Конечно, эффект этот – не моментальная коммерческая прибыль, он возникнет за длительный период, и скорее всего

в форме снижения потерь ВВП и экономии бюджета. Но, как известно, развитие не измеряется сегодняшним днем, оно разворачивается в перспективе. Если научиться определять экономический эффект социальных программ, то легче будет убедить тех, кто принимает по ним решения.

Поступила в редакцию 23 мая 2010 г.

Л.С. Дегтярь

ИЭ РАН, Москва

Социальное измерение кризиса: мировой опыт

Среди непосредственных социальных последствий экономического кризиса первое место в мире занимает рост безработицы. Экономическое оживление не сопровождается соответствующим увеличением занятости, восстановление ее уровня идет крайне медленно. В странах ОЭСР уровень безработицы приблизился к 9% экономически активного населения – максимальный показатель для всей послевоенной эпохи, при этом доходы более трети семей, где есть безработные, опускаются ниже черты бедности. И это происходит несмотря на масштабные государственные программы по поддержанию занятости: из 30 государств ОЭСР 23 страны в условиях кризиса приняли программы профессиональной переподготовки, 20 стран – программы стимулирования краткосрочной занятости.

Кризис обусловил также снижение уровня доходов и потребления в развитых странах, расширение масштабов нищеты во многих развивающихся государствах, что объективно потребовало усиления социальных механизмов государственного перераспределения доходов в пользу наиболее уязвимых слоев населения. Был нанесен серьезный удар и по пенсионным накоплениям в развитых странах. По расчетам консалтинговой компании «McKinsey», частные пенсионные фонды потеряли в среднем 18% своей капитализации.

Бедные страны столкнулись с трудностями в закупках продовольствия и с сокращением программ международной помощи. И, наконец, рост государственных расходов в связи с резким увеличением средств, направляемых на борьбу с кризисом и содержанием растущего числа безработных, обусловил значительное увеличение размеров государственного долга и наращивание дефицита бюджета, что потребует сокращения государственных, в том числе и социальных, расходов уже в ближайшей перспективе. Как отмечалось на Всемирном экономическом

форуме «Давос-2010», проблемы, связанные с растущей безработицей и государственными финансами, могут привести к перерастанию финансово-экономического кризиса в кризис социальный. Греческая ситуация, положение дел в Испании и Португалии превращают такой прогноз в очень вероятную реальность.

Хотя кризис не внес существенных качественных изменений в содержание существующих социальных проблем и сложившиеся модели социальной защиты, он ускорил мировоззренческие изменения, актуализировал циркуляцию идей вокруг направлений становления новой парадигмы общественного бытия, в том числе перспектив «государства всеобщего благосостояния». Главными факторами, определяющими теоретические концепции и практические действия в решении социальных проблем, по-прежнему остаются: экология, демография и глобализация. Обострение конкурентной борьбы за ресурсы наряду с демографическими проблемами (старение населения, диспропорции в темпах его роста по регионам мира, миграция) снижает возможности государства в сохранении высокого уровня социальных расходов, хотя потребность в них не уменьшается.

Заметными тенденциями стали становление, укрепление и усиление влияния азиатской авторитарной социально-экономической модели с новыми для мира качествами и характеристиками. Глобализация приобрела новое измерение, она охватила идеологическую и информационную сферы, усилилось взаимопроникновение идей и знаний. Глобальными стали и многие социальные проблемы. Объективные процессы и до кризиса требовали изменения качественных характеристик сложившихся социальных моделей.

В последние тридцать лет, несмотря на специфику отдельных стран, общими для всех направлениями модернизации социальной

сферы были диверсификация финансирования, производства и предоставления социальных благ, т.е. сочетание личной и государственной ответственности, государственных и частных начал в удовлетворении социальных потребностей. Это относится не только к англо-саксонской и европейской социальным моделям, на этих же принципах основана и так называемая азиатская «третья интеграция». В целом можно говорить о конвергенции различных социальных моделей и лежащих в их основе идей и ценностей, о сближении не только идеологических основ, но и конкретных форм и методов социальной политики.

В реальности ни одна из сложившихся моделей социальной политики уже не существует в мире в чистом виде. «Третий путь» в Великобритании, «сострадательный (compassionate) консерватизм» в США, «капитализм с человеческим лицом» в Чили, «продуктивное благосостояние» в Южной Корее – все это различные названия формирующихся новых социальных моделей, сочетающих осознание необходимости усиления социальной составляющей развития, с одной стороны, и повышения эффективности систем социальной защиты, с другой.

При всей многосложности, многовариантности, неопределенности и неустойчивости развития в современном мире в концептуальном плане наблюдается общий тренд в сторону социальной модели, сочетающей

американскую идею личной автономии и индивидуальной свободы с европейскими идеями общественного консенсуса, а также азиатскими традициями коллективной ответственности и контекстуального мышления. Наиболее ярким примером такого подхода является европейская концепция «социального качества». Обосновывается и такой подход – решение социальных проблем возможно и при снижающейся социальной роли государства при условии самоорганизации общества (социальное предпринимательство) и корпоративной социальной деятельности. Высказывается мнение, что сегодня в ответ на глобальные социальные вызовы корпоративный бизнес способен сделать больше, прежде всего со стороны природных ресурсов и экологии, чем государство.

Еще одна обсуждаемая гипотеза – мир движется к диверсифицированной национальной социальной политике: патерналистское государство для тех, кто не может адаптироваться к новым технологическим требованиям и темпу общественной жизни, и рыночная модель социальной сферы для активных слоев населения. Не исключено и усиление страновой специфики в построении систем социальной защиты – мир может увидеть примеры социальной политики, которые более тесно привязаны к местным условиям и системам ценностей отдельных стран и сообществ. В последние годы получили новый импульс и социалистические идеи.

Поступила в редакцию 23 мая 2010 г.

М.И. Воейков

Институт экономики РАН, Москва

Есть ли системность в социальной политике

В состоявшемся на круглом столе обсуждении было много интересного. К сказанному я бы добавил свое итоговое ощущение – так жить, как мы сегодня живем, нельзя! У меня даже язык не поворачивается сказать, что у нашего правительства есть хоть какая-то осознанная социальная политика. В действиях правительства нет никакой системности, есть отдельные мероприятия, пожелания, высказывания, иногда какие-то хаотические действия, но осознанной, хорошо продуманной и просчитанной социальной политики как не было, так и нет. Некоторые ученые говорят, что сейчас появилось осознание необходимости такой политики. (Это хорошо, но осознание – только первый шаг. Будут ли следующие шаги?)

Другие утверждают, что для «хорошей» социальной политики нужны ясные приоритеты и средства. А тут еще разразился финансовый кризис. Ах, как это не вовремя! Конечно, все нужно просчитать с учетом последствий кризиса: цели, задачи, ресурсы и т.д.

Но есть и более сложная проблема, возникшая еще до кризиса, в годы больших нефтяных денег, – теоретическое обоснование наших потребностей. Что мы хотим создать из общества? Большой «собес» и раздавать имеющиеся деньги на то и се? Или сформировать общество высокопроизводительного труда, где каждый человек (или семья) будет способен обеспечить себе нормальную цивилизованную жизнь? Это трудный вопрос,